

Старуха / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Старуха / рассказ СТАРУХА

У неё была молочная кожа, тонкие, правильные черты и бледные губы, и каждое утро, раскрыв косметичку, она рисовала себе новое лицо, которое подбирала под день недели. По понедельникам была пай-девочкой, по средам чернила брови сурьмой, превращаясь в ведьму, по пятницам накладывала румяна и блеск для губ, слепивший глаза мужчинам, а в ночь с субботы на воскресенье обводила рот красной помадой, так что издали он казался кровоточащей раной, а вблизи – распустившимся алым цветком. Без макияжа её лицо было белым и пустым, как холст, на котором едва проступал эскиз будущей картины, и любовники носили её в памяти как девушку без лица.

Ия была рождена для сцены, где легко преображалась и в брошенную возлюбленную, и в сухое дерево, сломавшееся от урагана, так что в театральном институте ей прочили большое будущее. Поэтому никто не удивился, когда известный режиссёр позвал её в свой спектакль, в котором юных девушек играли пожилые актрисы, а Ие досталась роль старухи.

В театре было темно, холодный ветер, неизвестно откуда взявшийся в зале, кусал щёки, и актрисы кутались в тёплые шали, дрожа от озноба. Хромая уборщица, подоткнув подол юбки, мела веником сцену, поднимая облачка пыли, от которых то и дело чихала, а старухи-актрисы, примеряя на себя роль девушек, пускались в путешествие по своим воспоминаниям, и на сморщенных щеках проступал румянец.

– Зритель смотрит спектакль не глазами, а сердцем, – раскачиваясь на стуле, выдыхал режиссёр сигаретный дым, – он поверит, что старуха молода и красива, если актриса сама в это поверит. – И, вскочив на сцену, прокричал притихшей труппе: – Потому что театр – это умопомрачение, галлюцинация, массовый психоз!

«Массовый психоз...» – зашептались морщинистые актрисы,

перекатывая его слова во рту, как леденцы.

А Ие роль давалась с трудом. «Я старуха, я старуха, я старуха», – убеждала она себя, поднимаясь на сцену, где, погружаясь в безумие, шаркала ногами, сгибаясь к земле, словно годы висели камнем на шее, и, шамкая ртом, повторяла бессвязные речи, напоминавшие ворожбу, а пухлая костюмерша, подглядывавшая из-за кулисы, мяла себе грудь от восторга.

Но режиссёр качал головой:

– Ты похожа на старуху, но ты не старуха!

– Они были молодыми и играют себя, – плакала Ия, вытирая лицо краем занавеса, – а я-то старухой не была!

Между репетициями она ловила старых женщин на улице и, словно тайный воздыхатель, провожала до самого дома, превращаясь в их зеркальное отражение. У неё тряслась голова, дёргались кончики губ, а от её скрипучего голоса по спине пробегала дрожь, будто кто-то водил железом по стеклу. «Я старуха, я безобразная старуха», – стонала она во сне, перекручивая простыни, а утром, разглядывая в зеркале своё красивое тело, видела пустые, обвисшие груди и дряблый живот, под которым курчавились седые волосы.

Но на репетициях режиссёр кривился, нервно барабанил по подлокотнику, и, отчаявшись, Ия отправилась в психиатрическую больницу. Главврач, спустив очки на нос, смерил её недоверчивым взглядом, но санитарок не хватало, и он, поставив размашистую подпись, принял её на работу. А на следующий день Ия уже тёрла полы в старческом отделении.

Старухи сидели в коридоре на грубо сколоченных лавках и были похожи на чучела, сделанные из человеческих тел. У них были узловатые, переплетённые варикозом ноги и лица, изрезанные такими глубокими морщинами, что по ним, как по линиям на ладони, можно было читать судьбу.

– Гуд монинг, гуд монинг, гуд монинг, – долбил одна, как дятел. – Гуд монинг...

– Монинг, монинг, – потрепала по щеке медсестра, высыпав ей в рот пилюли. – Учительница английского, ни слова по-русски не помнит... – со смехом объяснила она Ие.

– У меня были аметистовые бусы, – шамкала другая старуха,

оттягивая сорочку и обнажая морщинистую грудь. – И две нитки жемчуга. – Ие казалось, что если ущипнуть старуху за щёку, то кусочек её рыхлого, как размоченный в молоке хлеб, лица останется в руке.

Медсёстры кололи лекарство, от которого опухали ноги и тяжелело в груди, чтобы старухи не бродили по отделению, как сомнамбулы. Целый день, не шелохнувшись, они проводили на лавках, уставившись в невидимую точку, иногда, словно проснувшись, начинали выть и причитать, повторяя имена детей, которых не помнили, а потом, свесив голову, затихали.

Согнутая в колесо горбунья пальцами ног чесала себе нос и ходила медленно, словно запертая в кандалы каторжница, так что никак не могла дойти до конца коридора, который с каждым шагом уплывал от неё всё дальше.

– Внучка? – спросила она старуху, которая жалась к Ие, теребя край халата. – Как похожа! – И, уходя, повторяла: – Береги бабушку, люби её, береги бабушку, люби её, береги бабушку...

– Моя внучка! – расплакалась старуха, обнимая девушку.

Запершись в туалете, Ия причитала перед зеркалом:

– Люби её, береги бабушку, люби её, береги бабушку... – выходило завораживающе, и она ликовала: режиссёр будет в восторге.

Память сжималась, словно шагреневая кожа, пациентки забывали родных, потом – себя, и, заглянув в зеркало, пытались заговорить с той уродливой, сморщенной, как старый гриб, женщиной, которая в нём жила. А Ия, глядя на изъеденных временем старух, представляла их молодыми девушками, которые не знали своего будущего так же, как теперь не помнят собственного прошлого.

На обходе врач, достав блокнот, спрашивал:

– Как зовут? Какое сегодня число? День недели? Год?

А старухи, жуя губы, не могли вспомнить своих имён и, рассыпаясь смехом, бродили в лабиринтах безумия, в котором были заперты, как в одиночной камере.

– Как тебя зовут? – хватала за руку горбунья.

– Ия.

– А какое сегодня число? А день недели?

Старость оседала на стенах толстым слоем пыли и, словно

паутина, опутывала каждого, кто входил сюда, прорастая в ушах и переплетая волосы, а Ия, возвращаясь после дежурства, долго тёрла кожу жёсткой мочалкой, смывая её кислый запах. Ночами ей снилась Деменция, кривая бабка с ввалившимся носом, которая, проткнув её узловатым пальцем, кричала: «Как тебя зовут? Какое сегодня число? День недели? Год?» Девушка просыпалась, дрожа, словно в лихорадке, и, уставившись в угол комнаты, в котором кошкой свернулась ночь, не могла вспомнить ни имени, ни дня. А потом, расколов скорлупу сна, спрятанного во сне, вскакивала на постели, плача: «Ия, Ия, меня зовут Ия!»

Её дни разбились на две половинки, теперь больница казалась ей театром, а театр напоминал больницу, и на репетициях она прятала глаза, боясь, что режиссёр заметит паутину, налипшую на ресницах.

Он умел улыбкой щекотать женщинам низ живота, а обручальное кольцо на его пальце было всего лишь кольцом. Раньше Ия была от него без ума, и вся неделя превращалась для неё в ночь с субботы на воскресенье: она ходила в театр с красными, похожими на бутон, губами, и режиссёр, поглаживая мочку уха, мечтал сорвать этот цветок. Но теперь его улыбка напоминала ей скисшее молоко.

— Ты должна забыть прошлое, забыть себя! — выдыхая ей в лицо сигаретный дым, кричал он, и когда Ия выходила на сцену, из неё, словно вода из переполненного кувшина, выплёскивалась накопленная за день старость.

Старухи-актрисы повторяли свои роли, раскачиваясь из стороны в сторону, словно плыли на лодке, плещущейся на волнах, а Ия, глядя на их сжёванные губы и белоснежные фарфоровые зубы, чувствовала, как старость, бродившая за ней, как тень, щекочет мочки ушей. Зажмурившись, Ия металась по сцене, повторяя слова, которые в больнице собирала в подол, словно ягоды, и на её лице проступала старуха с белым, как чистый холст, лицом и выпотрошенной судьбой.

— Таких старух не бывает! — скрестив руки на груди, качали головой старые актрисы. — Это надуманно, нежизненно...

Но режиссёр, причмокивая, крутил кольцо на пальце.

А после репетиции заглянул в гримёрку и, глядя через зеркало,

как девушка подкрашивает красный рот, хрипло прошептал:

– Ия... – она вздрогнула, и помада оставила красный штрих, словно след от укуса, на щеке. – Ия и я... – улыбнулся режиссёр, прикрыв дверь.

А Ия подумала, что у неё нет не только лица, но и имени, которое распадается на буквы, оставляя одно «я». «А кто она, эта «я»?» – спросила Ия у зеркального отражения, которое в ответ только пожало плечами.

В столовой было душно. На обед давали водянистый капустный суп и пареную рыбу. Ия кормила одноглазую старуху с ложечки, а та плакала, вытирая слёзы коркой хлеба, становившейся солёной, будто её присыпали солью. Горбунья черпала суп ложкой, выливая себе на голову, одна старуха окунала в тарелку лицо, а другая, похожая на состарившегося ребёнка, мяла рыбу руками, бросая на пол, и Ия сбивалась с ног, пытаясь навести порядок.

– Бедная девочка, – прошептали за спиной, и Ия, обернувшись, увидела пожилую женщину, удивившись её осанке и красивому, даже в старости, лицу. – Старухи как дети. Злые дети... Разве такой красивой девочке место в этом аду? – у неё был мягкий грудной голос и крашенные смоляные волосы, в которых пробивалась седина.

Ия молчала, но губы шептали против её воли:

– Я актриса, в спектакле я играю старуху, но у меня плохо получается...

Женщина взяла её за руку, и девушка удивилась, какая мягкая у неё кожа.

– Ты мне сразу понравилась, родная душа. Я ведь тоже актриса...

– Неужели? И где вы играли?

Женщина лёгким жестом поправила волосы и, опустив глаза, выдохнула:

– Голова моя стала, словно решето, всё из неё высыпается...

– И у вас, верно, была любимая роль?

Старая актриса долго молчала, разглаживая складки на халате, а потом, всхлипнув, спрятала лицо в ладони:

– Словно решето...

В зале было темно, а в луче прожектора, освещавшего сцену, словно мошки, клубились комья пыли. Актрисы, склонив седые

головой, о чём-то шептались, и до Ии долетали только обрывки фраз, казавшихся бормотанием безумных старух.

– У меня были аметистовые бусы, – оттягивая ворот платья, пропела одна из актрис. – И две нитки жемчуга.

Ия, вздрогнув, обернулась, и актрисы смерили её уничижительным взглядом, который десятилетиями репетировали перед зеркалом.

«Старухи как дети. Злые дети», – вспомнила она слова женщины из больницы и, захлебнувшись смехом, прикрыла рот рукой.

После репетиции режиссёр пригласил её в кафе. Они выбрали столик в углу, где, прячась за вешалкой, на которой, словно пугало, болталось чьё-то длинное пальто, пили кофе, разглядывая друг друга, будто виделись первый раз.

– Я в тебе не ошибся, – проговорил режиссёр, и хрипотца в его голосе выдала волнение. – Ты гениальная актриса!

«Словно решето...» – заплакала в памяти старуха, и Ие захотелось вылить кофе себе на голову.

– У тебя усталый вид, не высыпaeшьcя?

«Выношу судна, купаю старух», – чуть было не вырвалось у неё, и Ия прикусила губу.

– У тебя кто-то есть? – по-своему понял он её усмешку.

Ия помотала головой. Она грела руки о чашку, и режиссёр, накрыв их своими широкими ладонями, внимательно посмотрел ей в глаза, но Ия продолжала молчать, чувствуя, как слова вонзаются ей в грудь, словно булавки в игольницу, а из пересохшего горла готово вырваться бессвязное старушечье бормотание.

Вечер был смят, как салфетка. Расплатившись, они вышли из кафе, разочарованные и уставшие. Провожая до метро, он не удержался, схватив губами нарисованный на лице бутон, а Ия, прильнув к нему, подумала, что со временем забудет и этот вечер, и этот поцелуй, и имя режиссёра, от одного взгляда которого она ещё недавно застывала на месте, словно кариатида. «Люди рождаются стариками», – прошептала она открывшуюся ей истину, и режиссёр растерянно отпрянул.

Запахи, шёпоты и крики вились вокруг неё мошкаррой, и Ия, жмурясь, отгоняла их рукой, будто у неё появился тик. По дороге она думала о роли, проступавшей морщинами на лице, и мечтах, выцветших, словно линялые платья, а переступив порог

больницы, почувствовала себя столетней старухой.

Старая актриса пританцовывала в объятьях господина Альцгеймера, на лавках сутулились привязанные скрученными простынями старухи. Одна вязала, орудуя невидимыми спицами, другая сосала большой палец, превращаясь в капризного морщинистого ребёнка, и Ия, чувствуя, как её лицо сморщивается, словно печёное яблоко, и съёживается душа, ощупывала гладкие щёки и упругую грудь.

– Когда веришь, что ты юная девушка, то и мир будет видеть тебя такой, – вальсируя, говорила ей старая актриса. – А если в сердце поселилась старость, то превратишься в старуху, даже если ты юная девушка.

– Я старуха... – прошептала Ия, зажмурившись.

Из-за закрытой двери слышался смех санитарок.

– Я вспомнила свою любимую роль! – рассмеявшись, старая актриса оттолкнула воображаемого кавалера. – А ну-ка, помоги мне!

Они принялись развязывать простыни, и старухи, обмякая, как тряпичные куклы, сползали на пол или падали, заваливаясь на бок. Те, кто могли ходить, переставляя толстые, опухшие от лекарств ноги, разбредались по коридору, стучали в закрытые палаты, хныкали и звали своих детей.

– Я покажу тебе свою любимую роль! – актриса выгнула спину и распустила копну жёстких, как проволока, волос.

Ия захлопала в ладоши, и женщина засмеялась, обнажив острые зубы. Сидящая на лавке горбунья захлопала в ответ, продолжая безучастно смотреть перед собой, а другие старухи, трясая головами, изъеденными безумием, словно яблоки червями, придвинулись ближе, пряча под растопыренными ладонями свои лопнувшие улыбки.

– Я молода! Разве ты не видишь?! Молода и красива! – повысив голос, словно в театре, женщина раскинула руки. – Я актриса! Зрители обожают меня и, не отпуская со сцены, кричат: «Браво!» Пуская слюни, горбунья продолжала хлопать, и остальные старухи, обступив актрису, подхватили аплодисменты, завыв, будто в трубу, а Ия, запрокинув голову, расхохоталась.

– Громче, громче! Я вас не слышу! – словно юла, завертелась

актриса, и Ия заворожено смотрела, как с каждым поворотом она превращается в молодую женщину с молочным лицом, а старухи, сбросив, словно змеиную кожу, свою старость, прыгали вокруг и, пытаясь дотронуться до актрисы, кричали: «Браво!»

– Браво! – захлопала в ладоши Ия. – Бис!

– Я молода и красива! – задыхаясь, кричала она. – Я актриса!

– Браво, браво! – шамкали старухи, прыгая вокруг неё. – Браво!

– Гуд монинг, гуд монинг, – повторяла учительница английского.

– Я актриса, актриса, актриса! – кружилась женщина, запрокинув голову, и Ия закружилась с ней, так что стены поменялись местами с потолком, а старухи превратились в смазанное пятно, которое кричало и вопило: «Актриса! Актриса!»

– Актриса, актриса! – кричала женщина. – Актриса!

– Я старуха, я старуха, я старуха! – вертелась Ия.

– Браво! – прыгали вокруг старухи. – Браво!

Из ординаторской вышел врач и, увидев шумную толпу в коридоре, утопил «тревожную кнопку», а Ия, грохнувшись на пол, пыталась остановить голову, которая продолжала кружиться, оторвавшись от шеи.

– Что происходит? – крикнул врач, и выросшие из-под земли санитарки, покрасневшие от спирта, принялись разгонять старух, которые продолжали хлопать в ладоши, уворачиваясь от их цепких рук.

– Я молода и красива! – кружилась старая актриса, пока санитарки не поволокли её в палату, заведя руки за спину. – Я актриса! – вырываясь, кричала она.

Целый вечер отделение шумело и горланило, из палат доносились крики: «Браво!», и старухи упрямо хлопали в ладоши, за что санитарки лупили их по рукам тапочкой и кололи снотворное, запеленав в смиренные рубашки. И проваливаясь в сон, старухи бормотали: «Браво, браво, браво...»

– Никакая она не актриса, – ухмыльнулся врач, подписывая заявление об уходе. – Работала в доме культуры массовиком-затейником. – Он кивнул на пухлую историю болезни. – Театр был у неё дома, детей со свету сживала, не признавала внуков, заклеивала соседям замки и поджигала почтовые ящики. А однажды забралась на подоконник и, представив, что стоит на сцене,

устроила бенефис для прохожих. Вот и приехала к нам на гастрولي... – А когда Ия поднялась со стула, врач вдруг крикнул: – Так что осторожней с мечтами, превращаясь в навязчивости, они могут свести с ума!

Но девушка, отмахиваясь от кружащей у лица мошкары, уже не слышала его.

Старую актрису привязали к кровати, и, разглядывая разводы на потолке, она что-то шептала, едва шевеля губами. Ия нагнулась, чтобы разобрать слова и, поцеловав её в холодную дряблую щёку, подумала, что, придя в больницу молодой девушкой, уходит из неё старухой.

«Актриса, актриса, актриса...» – слышала она шёпот старой женщины в шелесте листвы, в шагах спешащих мимо прохожих, в стуке трамвайных колёс, в прерывистом дыхании режиссёра, который расстёгивал пуговицы на её платье. «Актриса, актриса, актриса...»

Он снял номер в дорогой гостинице, куда они, попрощавшись после репетиции, пришли порознь. В ведёрке со льдом лежала запотевшая бутылка вина, свечи, обмякнув, почти погасли, и тонкий дым нитями свисал с потолка. Лёжа на широкой кровати, застеленной шёлковым, как кожа юной девушки, бельём, Ия смотрела на зеркальный потолок, где отражалась мокрая спина режиссёра, спешно стягивающего брюки, разбросанные по подушке волосы и её нарисованное лицо, которое корчило безумные рожи и пускало слюни.

– Кто я? Где я? Как меня зовут? – бормотала Ия. – Какое сегодня число? День недели? Год?

– Что? – не понял режиссёр, расслышав последние слова. – О чём ты?

Оттолкнув его, Ия вскочила с постели и, бросившись к окну, распахнула рамы.

– Я старуха! – кричала она прохожим и, задрав сорочку, хохотала, как взбесившийся ветер. – Старуха!

Согнувшись колесом, как горбунья, она каталась по карнизу, плакала, выла, голосила, словно старухи, поселившись в её теле, рвали его изнутри. Под ногами мокрым псом свернулся город, а она кружилась на крае карниза и кричала:

– Я старуха! Старуха! Старуха!

А когда, выплеснув, словно родовые воды, своё безумие, она спрыгнула с подоконника, в гостиничном номере уже никого не было.

На премьере зал был забит до отказа, и ещё рассаживаясь в креслах, зрители уже шептали: «Браво!», а их шёпот лез режиссёру под рубашку и щипал живот. Одёргивая пиджак, он нервно ёрзал, почёсывая бока, и жена, утешая, гладила его по руке.

Весь спектакль он сидел, зажмурившись, и, слушая бормотание безумной старухи, думал, что жизнь, и правда, театр, в котором не выбирают роли и читают свою судьбу с листа, вот только Режиссёр, стыдясь нелепой постановки, давно ушёл, хлопнув дверью, и актёры тщетно зывают к нему в чернеющую пустоту.

А когда упал занавес, зал взорвался аплодисментами, и режиссёр побагровел, словно зрители били ладонями по его щекам. Актрисы вернулись на сцену и, улыбаясь, отправляли в зал увядшие воздушные поцелуи, а репортёры стреляли в них фотовспышками.

– Старуха прекрасна! – шептал режиссёру на ухо толстый критик, покрываясь испариной. – Настоящая старуха!

Поднимаясь на сцену, режиссёр думал, что спектакль провалился, потому что старухи никогда не станут молодыми, а юная девушка, играющая старуху, останется юной девушкой, играющей старуху, но, взяв микрофон, взвизгнувший в его руках, проговорил притихшему залу:

– Зритель смотрит спектакль не глазами, а сердцем, он поверит, что старуха молода и красива, если актриса сама в это поверит... Новая актриса заменила прежнюю исполнительницу старухи, загремевшую в психиатрическую больницу, всего за несколько месяцев до премьеры. Она сыграла по-ученически наивно, так что режиссёр читал в глазах зрителей скуку и усталость, но их руки, оторвавшись от тел, продолжали аплодировать, и, кланяясь залу, он чувствовал себя стариком, который неумело исполняет свою дурацкую роль.

– Потому что театр – это умопомрачение, галлюцинация, массовый психоз! – закончил он и, испуганно ощупав лицо, убедился, что оно не сморщилось, как печёное яблоко.

Режиссёр скользил взглядом по лицам зрителей, которые были похожи, словно рисованные под кальку, и вдруг укололся, как об иголку, о холодный, пустой взгляд. У сидящей в третьем ряду старухи была прямая, горделивая осанка и белое, словно чистый холст, лицо, а правильные черты, проступавшие на нём, как эскиз будущей картины, что-то мучительно напоминали ему.

А Ия смотрела на мужчину, стоящего на сцене, и, задыхаясь от тяжести прожитых лет, висевших на ней, словно камень на шее утопленницы, не могла вспомнить, как её зовут, какое сегодня число, месяц, год, и зачем она пришла в этот театр. «Словно решето...» – качала она головой, думая, что жизнь прошла быстро, как спектакль.

Об авторе: ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВА-ЗОРИНА

Родилась в Ленинграде. Выросла и окончила школу в г. Ковдоре Мурманской области. Живет в Москве. Колумнист газеты «Московский комсомолец». Автор книг «Бунтовщица», «Маленький человек», «Сломанная кукла». Роман «Маленький человек» вошёл в шорт-лист премии «НОС», переведён на английский, французский и арабский языки. Neкаýalar